

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Проблема характеристики объекта верности на примере древнеримской культуры

Голикова Мария Сергеевна

Соискатель

*Московский государственный лингвистический университет, Институт международных отношений и социально-политических наук, Кафедра мировой культуры, Москва, Россия
E-mail: golikoff@list.ru*

Верность как особая система отношений, при которых субъект ставит интересы объекта выше своих собственных, является базовой ценностью европейской культуры. Тем не менее, в современном мире верность как добродетель дискредитируется во всех своих проявлениях, что усугубляет морально-нравственный кризис общества. Решения этой проблемы предлагаются в рамках философии культуры, исходя из того, что реабилитация и укрепление верности в социуме возможны посредством философского осмысления этого понятия.

В XX веке одной из главных проблем в изучении верности стала характеристика объекта верности. «Если верность является беззаветным служением определенному объекту, какие качества ему присущи? Является ли этот объект некой абстракцией, как идея или коллективное благо? Определенной личностью или группой лиц?» [Ladd J. 1967, p.595]. Существуют две различные точки зрения.

Основоположник исследования верности как целостного понятия и основы морали, американский философ Джосая Ройс (Josiah Royce) определял верность как «добровольное, действенное и безусловное служение личности определенному делу» [Royce J. 1908, p.17]. Согласно его теории, объектом верности может быть только «сверхличностная» сущность, «нечто, выходящее за рамки отдельной личности» [Royce J. 1908, p.19]. Если поведение индивида можно описать как преданность по отношению к другому человеку или группе лиц, то причина тому не личная привязанность, но «сверхидея», которой он руководствуется, и которая предопределяет его действия в реальности.

Другого мнения придерживается философ и специалист по этике Джон Ладд (John Ladd). «Верность по природе своей межличностна, именно в этом заключается ее специфика. Человек верен своему господину, своему отцу, своему товарищу. Невозможно быть верным по отношению к людям вообще (человечеству) или общим принципам, таким как справедливость или демократия» [Ladd J. 1967, p.595]. Теория Дж. Ройса является «в корне неверной, нелогичной и этически ошибочной, так как индивидуальность, растворяясь в беззаветном служении высшему благу, обесценивается» [Ladd J. 1967, p.595].

Эти две противоположные точки зрения, в равной мере влиятельные и популярные, предопределили всю последующую историю изучения понятия «верность» и в настоящее время являются теоретическим базисом для прикладных разработок по моделированию верности в социуме. Однако диахронический аспект верности, история ее развития, все еще являются малоизученным и востребованным направлением, имеющим потенциал усовершенствовать существующие теоретические представления. Если мы обратимся к истории верности (в европейской цивилизации), то, прежде всего, особое

внимание следует уделить Античности, как одному из самых значительных, динамичных и решающих этапов формирования этой идеи.

В Древнем Риме верность (*fides*) занимала совершенно особое положение. Это была не просто одна из добродетелей, но утвержденная в законе основа общественной жизни. Она играла непосредственную роль в конкретных исторических событиях, а в определенные эпохи даже декларировалась как национальная идея. Меняя свое внутреннее содержание, древнеримское понятие *fides*, не исчезло вместе с Римской империей, но, впоследствии ассимилированное уже христианской культурой, переходило из эпохи в эпоху [5,78]. В период с IV в. до н.э. по II в. н.э. происходит значительная смысловая трансформация идеи верности, в частности, меняется и характеристика объекта.

В эпоху республики *fides* имела сильно выраженный межличностный характер и приоритет отдавался личной преданности. Вербальные и визуальные символы, литературные памятники, прославляемые герои, свидетельствуют о том, что объектом верности являлись конкретные личности или братство граждан. Слово *fides* начинает употребляться в связке с *publica* (народ), именно такое словосочетание чаще всего встречается в тексте votивных надписей и на монетах, тем самым подчеркивая значение верности как служения конкретным согражданам.

В эпоху Империи характеристика объекта меняется. Взаимная присяга граждан друг другу упраздняется и вместо нее используется общая присяга на имя императора. Межличностные связи разрушаются, и на первое место выдвигается идеализированная фигура императора, *fides publica* заменяется более абстрактным *fides patria* (верность отечеству) [1,260].

Таким образом, в диахроническом развитии проявляется вариативный характер объекта верности, наличие двух видов, как «персонального» по определению Дж. Ладда, так и «сверхличностного» Дж. Ройса.

Также, неоднозначно в ракурсе субъектно-объектных отношений можно интерпретировать этимологию слова *fides* [2,188]. Мы можем предположить, что помимо общепринятой современной модели верности (когда под субъектом верности мы понимаем *агента*, который «обладает» верностью и направляет ее на объекта, а под объектом, *реципиента*, который «испытывает» на себе воздействие верности), существует и альтернативная модель. В эпоху ранней Республики, субъектно-объектная связь имела другую векторную направленность: субъект воспринимался как *реципиент*, объект как *агент*. Иными словами, в отношениях верности между господином и слугой большая ответственность лежала на господине, именно он считался инициатором отношений и гарантом их надежности.

Итак, мы можем говорить о том, что характеристика объекта верности может подвергаться трансформационным процессам и не является неизменной, статичной или уникальной. В историко-культурной реальности, возможно существование как «личностных», так и «абстрактных» объектов. Превалирование той или иной характеристики объекта тесно связано с историко-культурными предпосылками и мировоззренческими установками.

Литература

1. Ando C., Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley: University of California Press, 2000. – 515p.

2. Fränkel E., Zur Geschichte des Wortes fides. // Rheinisches Museum für Philologie. Rhein, 1916. №71. – 187 - 199S.
3. Ladd J., Loyalty. // The Encyclopedia of Philosophy. Paul Edwards (ed), New York: Macmillan & The Free Press, 1967. Vol. V.– 597- 598p.
4. Royce J., The philosophy of loyalty. New York: Macmillan, 1908. – 409p.
5. Weijers O., Some Notes on «Fides» and Related Words in Midieval Latin. // Archivum Latinitatis Medii Aevi, Bruxelles, 1977. №40. – 77-102p.